

Между двух войн

Русский князь в полесских болотах

Я люблю старые фото. Особенно когда увеличенные, подчищенные, облаченные в паспарту, они смотрят со стен Национального исторического музея.

Фотовыставка «Полесский альбом» в этом смысле особенная, ведь это совершенно неожиданный взгляд и на нашу историю, и на нашу современность. И конечно же, фигура самого фотографа – удивительного человека с причудливой и символичной судьбой. Фигура поучительная и до сих пор во многом загадочная, несмотря на все усилия исследователей. А впрочем, давайте по порядку.

— Пять лет назад шел я по блошиному рынку и увидел на прилавке у одного мужчины фотографию капитана лейб-гвардии Преображенского полка, – рассказывает пинский краевед Александр Новорай. – Спросил, кто это, а он отвечает: «Какой-то местный житель, когда-то здесь жил. Вся родня у него умерла, и эти вещи принесли мне на продажу. Я их выставил на аукцион».

Среди вещей были фотографии. Много фотографий. Новорай это заинтересовало, ведь одна из его краеведческих специализаций – именно фото.

И конечно, заинтриговал капитан – явно ветеран Первой мировой. А к этой позабытой войне у пинчан особый интерес. 15 сентября 1915 года Пинск был оккупирован немецкими войсками, и вплоть до конца войны через пинские болота пролегла линия фронта. Шли жестокие бои и в августе–сентябре 1915 года, и год спустя на северном фланге Брусиловского прорыва, когда российские войска безуспешно пытались выдавить немцев из Пинска.

Здесь, в болотистых топях, полегли сотни тысяч бойцов, и эту историю когда-нибудь надо поднять. Потому



Штаб-капитан
князь Борис Федорович Оболенский.
8 мая 1917 года



Римма Иванова. 1910-е годы

что у нас нет и не может быть истории, отдельной от Российской империи. Тут сражались и погибали наши люди, в том числе и в партизанских отрядах. Страдало и гибло мирное население. И подвиги тоже совершались тут.

Воскрешением правды занимается историко-культурный фонд памяти героев и жертв Первой мировой войны «Кроки», а Новорай – его официальный представитель в полесском регионе.

– Александр приложил много усилий к тому, чтобы на Пинщине появились памятники Первой мировой войне, – рассказывает председатель правления фонда Андрей Оралин.

На открытии одного из таких мемориалов они и познакомились. Это случилось 28 апреля 2014 года на открытии памятного знака на месте гибели «Ставропольской девы», кавалера офицерского ордена Святого Георгия Победоносца 4-й степени Риммы Ивановой.

Эта удивительная девушка, которую даже предполагали причислить к лику святых, отправилась на фронт вслед за братом – военврачом 105-го пехотного Оренбургского полка. Она взяла на себя нелегкий труд сестры милосердия.

«9 сентября [1915 года] 105-й пехотный Оренбургский полк атаковал противника у полесского села Доброславка, – писала в те дни фронтовая газета. – 10-ю роту германцы встретили жестоким огнем, несколько станковых «Максимов» косили нашу пехоту. Погибли два офицера, солдаты дрогнули, смешались, но тут вперед вышла Римма Иванова, перевязывавшая в гуще боя раненых. «Вперед, за мной!» – крикнула девушка и первая бросилась под пули. Полк рванулся в штыки за своей любимицей и опрокинул врага».

Увы, этот геройский бросок стоил ей жизни. Прах Риммы Ивановой погребен на родине, в Ставрополе.

На месте ее последнего боя у деревни Мокрая Дубрава установлен памятник, а на Троицком храме в Доброславке, 45 километров на северо-восток от Пинска, где ее отпевали, размещена мемориальная доска.

Знал ли Александр Новорай, что очень скоро в его руки попадут фотографии Доброславки, снятые князем Борисом Федоровичем Оболенским?

Потому что загадочный человек в капитанском кителе лейб-гвардии Преображенского полка, более четверти века проживший в окрестностях Пинска и похороненный на пинском кладбище, не кто иной, как потомок Рюрика.

– Началось все с того, что Новорай мне сказал, что на кладбище в Пинске найдена заброшенная могила князя Оболенского, – рассказывает известный краевед и реконструктор, автор книги «Битва у Нарочи» Владимир Богданов. – Простая могила, ребята сами ее восстановили. А я смотрю и глазам не верю: «Как же князь? Может быть, просто кличка у него была такая?»

Но оказалось, действительно князь. Александр Новорай доказал это со всей убедительностью.

– А потом появляются эти альбомы, – продолжает свой рассказ Владимир Богданов. – И, как правильно сказал Александр, им прямая дорога была в Национальный исторический музей.

Но для этого пришлось еще проделать огромную работу. Раскопать архивные документы. Распознать людей и объекты на фотографиях.

– Девяносто процентов «Полесского альбома» отснято самим Оболенским и его женой Марией, – рассказывает Александр Новорай. – Есть фото, где она позирует с чехлом от фотоаппарата. Они снимали друг друга, своих друзей, простых крестьян.

Пять лет Александр Новорай трудился над этим. И вот князь Оболенский перед нами со своей удивительной судьбой.

Наследники Бархатной книги

«Род князей Оболенских представляет одну из самых замечательных отраслей потомства Рюрика, – писал в своей книге «Потомство Рюрика. Материалы для составления родословной» (СПб., 1906–1918) генерал-лейтенант Адмиралтейства, историк и генеалог Геннадий Александрович Власьев. – В XV и XVI столетиях ни один род не выставил, сравнительно с ним, столько знаменитых деятелей, как на административном, так и, в особенности, на военном поприщах».

Особенно помогли они Иоанну III Васильевичу и его сыну Василию Ивановичу, но Иван Грозный это не оценил и многих казнил.

«После этого, – продолжает Власьев, – во все продолжение XVII и XVIII столетий, род, как бы уставший от чрезмерной деятельности, не выделяет из своей среды почти ни одной выдающейся личности, и только в XIX веке и в настоящее время, как бы отдохнувший, снова является на поприще государственной деятельности».

Род князей Оболенских еще в 1686 году был внесен в Бархатную книгу самых знатных боярских родов Московского государства. По этому поводу между различными ветвями Оболенских возникла тяжба, но материалы по делу... сгорели в хоромах царевны Марии Алексеевны.

Князь Борис Федорович Оболенский был из той ветви, которая унаследовала дедовскую славу, но не богатство и влияние.

Его отец Федор Николаевич Оболенский родился 20 сентября 1853 года в родовом имении Цыповка Алатырского уезда Симбирской губернии (ныне Сурского района Ульяновской области). Самый младший, тринадцатый ребенок князя Николая Андреевича Оболенского и его второй жены Наталии Алексеевны, урожденной Пановой.

Федор Николаевич окончил пансион при Николаевском кавалерийском училище, и хоть и числился позднее землевладельцем Ряжского уезда, кормился служением царю и Отечеству.



Князь
Федор Николаевич
Оболенский.
Конец 1870-х годов

Службу начал писцом 1-го разряда в канцелярии Алатырской дворянской опеки Симбирской губернии. 31 декабря 1875 года по призыву был зачислен рядовым 2-го разряда лейб-гвардии Уланского полка. Полгода спустя произведен в унтер-офицеры.

Русско-турецкая война... Князь сразу попал в самое пекло – переправу через Дунай, за которую он удостоился ордена Святого Георгия 4-й степени и румынского креста.

А дальше Болгария, Балканы, сражение при Горном Дубняке (ныне село Горни-Дыбник в Болгарии в двадцати километрах по дороге от Плевны на Софию). Силы были неравные: 22 тысячи русских солдат воевали против четырех с половиной тысяч турок. Казалось бы, перевес огромен, но турки прятались в надежных укреплениях и были вооружены скорострельными английскими винтовками, а русские шли на них с саблями сомкнутым строем под барабанную дробь. В итоге 800 русских погибли, полторы тысячи были ранены, большинство из них умерли в лазаретах от ран и дизентерии. Часть солдат были сражены огнем собственной артиллерии, так что победа, добытая генерал-фельдмаршалом Иосифом Ромейко-Гурко, имела очень сильный привкус горечи.

Через четыре дня их бросили на штурм Телишских укреплений, чуть дальше в сторону Софии, потом в бой за город Вране. В лютую декабрьскую ночь русские войска совершили переход через горный хребет Стару-Планину и с ходу взяли Софию, потом еще несколько болгарских городов. В итоге – Георгиевский крест и чин корнета, с которым он и закончил эту войну.

До увольнения в запас в чине прапорщика Федор Николаевич Оболенский женился на Елизавете Алексеевне Тепловой, возможно, из старинного дворянского рода Тепловых. В 1882 году у них родился первенец Николай. Всего же у них было пятеро сыновей, из которых Борис был младшим, и дочь Ксения, родившаяся в 1901 году, когда Федор Николаевич служил уже начальником Гостынского уезда Варшавской губернии.

До этого семья проживала в уездном городе Сенгилей, вниз по Волге от Симбирска, где и родились старшие дети.

Борис же появился на свет 4 декабря 1892 года, и не в Сенгилее, а вверх по Волге в Тетюшах, уездном городе Казанской губернии, хотя официально его отец в это время числился исправником Ряжского уезда Рязанской губернии.

Кстати, в Ряжке Федора Николаевича Оболенского и поныне чтут как героя Русско-турецкой войны.

Юность Бориса

Ему было семь лет, когда семья переехала в Царство Польское. Здесь он окончил Варшавский Суворовский кадетский корпус.

Кстати, соучеником его был легендарный советский комдив, герой Первой мировой войны Андраник Павлович Мелик-Шахназаров. В 1930-х годах он командовал 16-м стрелковым корпусом РККА в Белорусском военном округе, а в сентябре 1936 года блестяще провел показательные войсковые маневры с отработкой встречного сражения и прорыва укрепленных оборонительных линий. На маневрах присутствовали иностранные наблюдатели, и Мелик-Шахназаров общался с ними по-французски. Кому-то это показалось подозрительным, и комдив в 1937 году был расстрелян.

Инспектором и воспитателем Оболенского в Варшавском Суворовском кадетском корпусе был Павел Николаевич Лазарев-Станицев – тот самый, который перед строем кадетов и преподавателей Донского кадетского корпуса отказался присягать Временному правительству, поскольку присягал Государю Императору.

Так что в Александровское военное училище юный князь прибыл патриотично настроенным и неплохо подготовленным. Училище располагалось в Москве и готовило пехотных офицеров.

Оболенский окончил его в 1913 году и 30 августа был зачислен в нижние армейские чины. Через месяц после начала войны его перевели в подпоручики с назначением в 11-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова полк, а 1 августа 1915 года – в лейб-гвардии Преображенский Его Величества полк.

Служить в этом элитном подразделении было огромной честью. Полк, созданный еще в 1691 году Петром I, имевший собственный гимн («Знают турки нас и шведы»), форму и знаки различия. Многие служившие в нем становились затем министрами, губернаторами, высокопоставленными сановниками императорского двора, а его командиры почти автоматически зачислялись в Свиту Его Императорского Величества. В длинном списке командующих – представители высшего дворянства, великие князья и принцы.

Удостаивались этой чести и Оболенские, но, конечно же, не из той ветви, к которой принадлежал Борис Федорович.

В 1876–1887 годах – рекордные 11 лет – Преображенский полк возглавлял генерал-майор Свиты Его Императорского Величества князь Николай Николаевич Оболенский. Во время Русско-турецкой войны он во главе



П.К. Губарев. Штаб-офицер и обер-офицер Преображенского полка. 1872 год

полка сражался за Искерское ущелье, переходил через горы, брал Софию... Участвовал он и в константинопольских переговорах, которые вело русское правительство с целью создания нейтральной полосы для Боснии и Герцеговины. За свои военные подвиги князь, помимо многочисленных наград, был удостоен золотой сабли с надписью «За храбрость».

Еще один представитель рода – генерал-майор Свиты князь Владимир Николаевич Оболенский – командовал Преображенским полком в 1912–1914 годах, в самый канун Первой мировой войны.

12 июля 1914 года его сменил флигель-адъютант полковник граф Николай Николаевич Игнатьев, который за свои подвиги под Ивангородом (ныне Демблин Люблинского воеводства, Польша) был переведен в генерал-майоры и зачислен в Свиту.

Именно при нем Борис Оболенский начал свою службу в прославленном полку, который только что вышел из кровавой оборонительной Люблин-Холмской битвы. Северо-Западный фронт был расформирован, а Преображенский полк переброшен по железной дороге в направлении Вильно.

Видимо, как раз в эти дни Оболенский и вступил в ряды преображенцев.

«Первым переходом полк достиг знаменитого селения Верки со своим историческим замком, принадлежавшего князьям Витгенштейн и перешедшего затем в род князей Гогенлоэ, – рассказывает в своих воспоминаниях

барон Сергей Александрович Торнау. – Много ценных предметов искусства и мебели удалось заблаговременно оттуда вывезти, но многое осталось на месте к моменту очищения Вильно нашими войсками».

Многочисленным имениям Витгенштейнов в Беларуси, включая замок Мир, не так повезло.

Но эта прогулка по чудесным парковым окрестностям была лишь прелюдией к тяжелейшим боям, в которых полегли многие преображенцы. При этом география этих сражений и смертей не вполне понятна. В некоторых документах называются Гудилинские высоты (топоним, который сейчас трудно в точности расшифровать), в некоторых – деревню Петрилово (ныне Вилейский район). Подвиг и гибель капитана Владимира Баранова попеременно привязывают к обоим этим топонимам.

Так или иначе, целый месяц вплоть до своей контузии 1 сентября 1915 года Борис Оболенский сражался в Виленской губернии. Затем он на какое-то время выбыл из строя, но достоверно участвовал в Брусиловском прорыве и в бою у деревни Рай-Место (ныне Раймисто Рожищенского района Волынской области, Украина) на полдороге между Луцком и Ковелем.

В то время полком руководил генерал-майор Свиты Александр Александрович Дрентельн, удостоившийся Георгиевского оружия «за то, что в бою 15 и 16 июля 1916 года у д. Рай-Место, когда лейб-гвардии Преображенский полк, находясь в болотистой местности, непосредственно перед заграждением противника залег и с отходом соседней части положение его обострилось, генерал-майор Дрентельн, несмотря на трудное положение полка, сохранил за собой позицию до ночи и, руководя во время боя действиями полка в сфере действительного ружейного и заградительного артиллерийского огня, с рассветом занял позицию противника, с захватом 47-мм орудия».

Много боевых товарищей Оболенского полегло в том бою, но он уцелел. А ранен был 3 сентября 1916 года в бою у леса «Сапог» западнее деревни Бубново (ныне Бубнов Владимир-Волынского района Волынской области, у самой границы с Польшей). Борис Федорович был тогда уже в чине поручика. Вернувшись в строй, был повышен до штабс-капитана. 23 декабря 1916 года возглавил 8-ю роту, а в 1917 году дослужился до капитана.

Не вполне понятно, в какой момент он вернулся в Варшаву. Участвовал ли в битве у деревни Мшаны под Тернополем в июле 1917 года. Свиделся ли с родителями, которые в тот момент жили в Москве. Его отец, князь Федор Николаевич Оболенский, скончался 10 октября 1917 года. По сведениям сайта geni.com – расстрелян.

Вряд ли к этому были причастны большевики, поскольку при любых расчетах – по старому или по новому стилю – это случилось до большевистской революции. Неясно, постигла ли та же участь его супругу, которая также скончалась в 1917 году.

Достоверно известно лишь, что к 1919 году Борис Федорович Оболенский женился на Марии Ивановне Данилевской и жил с ней в Варшаве. Ей было в ту пору 23, ему 26, жизнь только начиналась. Но сколько всего уже было позади!

Марыля. Пинская шляхта

Мария Ивановна родилась в Варшаве. Отец ее, Иван Степанович Данилевский, был русским офицером, мать Стефания Адамовна Борковская в семье считалась полькой, и обоих детей называли на польский манер: старший Стефан и младшая Марыля.

И у Стефании, и у детей с самого раннего возраста были очень приятные певческие голоса. Марыля еще и аккомпанировала себе на гитаре и мандолине. Впрочем, ни у кого в семье и в мыслях не было, что она может стать артисткой. А Стефана готовили к военной карьере. После трех классов гимназии его, по традиции, перевели в Варшавское Суворовское кадетское училище.

Тут он и познакомился с юным князем Борисом Оболенским. А поскольку Борис жил в интернате – родители его оставались в Гостынине – тут же привел его к себе домой, где Борис и познакомился с маленькой Марылей.

Впрочем, первое его знакомство с этой семьей случилось даже раньше. В Гостынине жили Еленьковские, родственники Данилевских. И, как вспоминает Рышард Боянкевич (сын Людмилы Еленьковской), «Борис был как брат для мамы и ее сестер в детстве, когда они жили в Гостынине. И потом, когда они жили уже в Варшаве в 1904–1907 годах во время войны с Японией, он учился в Варшаве в Варшавском Кадетском корпусе и постоянно поддерживал связь. Во время Первой мировой войны и революции они общались. Мама рассказывала, как Марыля «поймала» Бориса, чтобы он женился на ней. Марыля и Борис жили в Польше, когда моя мама в 1919 году вернулась из России. Марыля тогда работала в Варшаве. После успехов армии Деникина они вернулись в Россию, хотя мама не советовала им это... В конце концов, потеряв в России многое из того, что имели, в 1921 году они вернулись в Польшу».

В Польшу, но не в Варшаву. 18 марта 1921 года РСФСР вместе с УССР заключила с Польской Республикой мирный договор, по которому пинское Полесье вместе с



Стефания Данилевская с детьми Марылей и Стефаном.
Начало 1900-х годов



Борис и Марыля Оболенские, 1930-е годы

другими западнобелорусскими и западноукраинскими землями на 18 лет отошли к Польше. Так была поставлена точка – а вернее сказать, запятая – в советско-польской войне.

Долгих 18 лет Полесье было заморожено. Война, беспрерывно терзавшая его на протяжении шести лет, остановилась, но было понятно, что она еще вернется. Кто-то мечтал о скором возвращении Российской империи, кто-то – о воссоединении с БССР. 18 лет безвременья.

И как раз в 1921 году Борис Оболенский поступает на службу к Игнату Подгорному, владельцу имения в деревне Лопатин (ныне агрогородок Лопатино Пинского района).

– Его полковой друг женился на Чайковской, дочери землевладельца Лопатина, и говорит: «Борис Федорович, приезжай, я тебе дам работу, будешь управляющим». Так он со своей Марией попал в Пинск и остался там, у них родилась дочка Таня, – рассказывает Александр Новорай.

Вероятно, эту информацию он почерпнул из воспоминаний Рышарда Боянкевича, который писал: «Весной 1939 года мы посетили Марылю Оболенскую (Данилевскую), которая с мужем князем Борисом Федоровичем и дочерью Татьяной жили под Пинском в усадьбе со-

служивца Бориса из Гвардии Преображенского полка. Имение было на восток от Пинска, плавали туда на лодке, а потом несколько километров надо было ехать на повозке. Мои родители искали место, куда эвакуировать меня и маму на случай войны с Германией».

Загвоздка в том, что ни Игнат Подгорный, ни другие опознанные Новораем лица не числятся ни в каких офицерских списках – ни времен Первой мировой войны, ни ранее. А значит, крайне маловероятно, что Игнат Подгорный служил, да еще в таком элитном подразделении, как Преображенский полк.

Возможно, Боянкевич что-то перепутал, или же Оболенские намеренно ввели его родителей в заблуждение. Подгорный не был исконным владельцем имения, он пришел в этот дом примаком, и знакомство его с Оболенским могло приключиться при самых причудливых обстоятельствах.

Кстати, Боянкевич вспоминает: «И отец, и Борис, и его коллега [Игнат Подгорный] пели... разные песни – русские, военные, включая ту, где есть строфа „вышли мы все из народа, дети семьи трудовой!“». Кто знает, может быть, Оболенский с Подгорным вынесли ее с поля Гражданской войны. Может быть, и встретились они там, в Советской России.



Плотоны на реке Стыр близ деревни Лопатино. 1930-е годы

Ясно одно: того преображенского офицерского братства, о котором с такой восторженностью говорил на открытии выставки Андрей Оралин, в их отношениях не было и в помине. Оболенский – князь-работник, князь-эконом – трудился и обслуживал чужие прихоти. В то время как Игнат Подгорный, да и вся эта пинская шляхта, вел абсолютно праздную жизнь, в которой были только пирушки, охота да рыбалка.

«В своем имении Подгорный держал стаю собак охотничьих – 60 штук, для которых через день убивал лошадь или корову, вел разгульный образ жизни, про-

На террасе усадебного дома Хоментовских в Доброславке. Крайний слева – Игнат Подгорный. 1930 год



Охота на уток. Река Стыр. 1935 год

давал землю и проживал деньги», – пишет профессор Вячеслав Веренич в своей книге «Полесский архив» (Мн., 2009).

Этих собак и охотничьи трофеи мы в изобилии видим на фото, и поневоле вспоминаются абсолютно такие же снимки из белорусских имений Витгенштейнов. Там баре позируют на фоне убитых медведей, здесь – пятьдесят лет спустя – с глухарями в руках. Как будто время остановилось, часы застыли в XIX веке, и будущего нет вовсе. Впрочем, нет и настоящего.

Собаки были в радость для Марыли, она с удовольствием заботилась о них.

Ей нравились поездки, фотографирование. Вместе с Подгорными они с удовольствием ездили в Доброславку к Хоментовским, хоть это и был неблизкий путь. В Доброславке жила большая, дружная семья. Софья Хоментовская тоже, как и Оболенские, увлекалась фотографированием, причем ее снимки сегодня по цене золота. Несколько ее негативов попали и в «Полесский альбом».

Наезжали и в Колбы к Олевинским, а заодно полюбоваться на часовню с барочным куполом, которую в августе–сентябре 1916 года рисовал Александр Блок. Поэт был мобилизован на строительство укреплений, давно разрушенных временем, а часовня осталась.

Удивительно, здесь, в Колбах, похоронена Стефания Адамовна Данилевская – мать Марыли. Она умерла в 1929 году, когда ей было всего пятьдесят. Александр Новорай нашел ее могилу. Почему в Колбах? Тоже вопрос, на который пока нет ответа.



Часовня в деревне Колбы. Рисунок Александра Блока из письма жене. 1916 год



Стефан Иванович Данилевский. Конец 1930-х годов



Стефания Адамовна Борковская, в замужестве Данилевская. Начало 1890-х годов

Ездили Оболенские и в Пинск – за покупками и просто погулять.

А однажды вместе со Стефаном Данилевским – братом Марыли – побывали на больших европейских гастролях. Окончив Его Императорского Высочества наследника Цесаревича Морской корпус, Стефан с лета 1915 года был мичманом в Черноморской минной бригаде, потом участвовал в Гражданской войне на стороне белых, служил на подводной лодке, а окончил войну лейтенантом, командиром десантного катера «Николай Пашич».

В этом звании Стефан Данилевский и эвакуировался вместе с врангелевской эскадрой прямехонько в Тунис, где вступил в ряды французского Иностранного легиона.

И тут стремительный и резкий поворот судьбы: возвращение в Варшаву и появление на афишах нового имени – Стефалевский. Чуть позже он заменил его на Стефана Левского, а в 1930-е годы вовсе отказался от псевдонима.

Стефан Иванович не стремился к оперным высям. Он пел только песни – русские, украинские, польские,



Пинская шляхта. 1930-е годы. В первом ряду с шарфиком – Таня Данилевская, за ней в белом – Марыля



В Национальном историческом музее. Справа Александр Новорай



Андрей Оралин

болгарские. У него был сладчайший тенор неземной чистоты – конечно же, вы помните этот тембр, он звучит в любом фильме про белую эмиграцию.

Уже в 1923 году Стефан Левский перебирается в Париж, с 1927 года начинает записывать пластинки.

В одной из парижских студий звукозаписи он познакомился с бывшим ротмистром Александром Александровичем Скрябиным – двоюродным братом композитора, его сценический псевдоним А. де Скрябин. Он руководил казачьим хором и оркестром балалаек и на долгие годы стал продюсером Стефана Левского.

А с компактным и мобильным хором Гончарова певец ездил на гастроли. Летом 1930 года совершил большое турне по скандинавским странам и Великобритании с театрализованной программой «Знаменитый русский баян». Одной из участниц шоу являлась Марыля Оболенская. Успех был огромный. Позже Марыля повторила его, выступив с дочерью Татьяной на польском радио.

Тем не менее Оболенские предпочли возвратиться в Лопатин. Почему? У них ведь было множество зацепок, чтобы остаться в Европе. Ксения, сестра Бориса, и его брат Владимир жили в Лондоне. Переезд мог показаться вполне оправданным, особенно в предчувствии войны.

Но войну они встретили в Лопатине. Как пережили немецко-фашистскую оккупацию – один только бог знает. Их хозяева – Подгорные, Хоментовские и иже с ними –

при известии о наступлении Красной армии предпочли купить себе места в фашистских обозах.

Князь Оболенский остался, но не смог найти себя в новой жизни.

– После войны он начал пить, а буквально через год умерла Марыля, – рассказывает Александр Новорай. – Таня Оболенская вышла замуж, родила ребенка, но дочь ее рано умерла.

Сама Татьяна Борисовна, в замужестве Замойская, прожила почти 80 лет, в 2003 году ее не стало.

– После смерти Татьяны полдома досталось женщине, которая ее досматривала. Она полдома продала, а вещи вынесла на улицу. Так и оказались фотографии на блошином рынке, – завершает свой рассказ Александр.

Сейчас эти фотографии можно посмотреть в Национальном историческом музее. Всмотреться в лица людей – шляхты и простых лопачан (так называют в народе жителей Лопатина), – в их немудреный быт, в природу родного края. Увидеть остатки дуба, под которым обедал король Станислав Понятовский, реку Стыр с ее причудливыми руслами и могучими весенними разливами, кустарное строительство мостов. Все это ушло в невообразимое, далекое прошлое. Остался только образ, запечатленный и сохраненный для нас русским князем, наследником Рюрика. Князем из пинских болот.

Юлия АНДРЕЕВА

**Фото из «Полесского альбома»
Александра Новорая и автора**